

Мельник Т.Н. Влияние фольклора на жанрово-стилевую организацию романа В. Шукшина «Любавины» / Т.Н. Мельник // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди. Серія літературознавство. – Харків: ППВ «Нове слово», 2013. – Випуск 4 (76). Частина 1.– С. 141-147.

Т.Н. Мельник

УДК 821.161.1 – 31'06.09:398

ВЛИЯНИЕ ФОЛЬКЛОРА НА ЖАНРОВО-СТИЛЕВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ РОМАНА В.ШУКШИНА «ЛЮБАВИНЫ»

Роман В. Шукшина «Любавины» (1959-1961) недостаточно исследован в современном литературоведении. Целью нашей статьи является определить степень влияния фольклора на жанровые и стилевые особенности произведения.

При жизни писателя о романе писали «Литературная газета», «Литературная Россия», журналы «Знамя», «Москва», «В мире книг», «Семья и школа», но писали с упреками автору в излишней углубленности в историю. Кроме того, исследователи и критики больше уделяли внимание малым и средним формам прозы писателя. В. Горн отмечал: «В романе «Любавины», написанном в начале 60-х годов, когда Шукшину было немногим за тридцать, шло овладение художественным мастерством, выработывалась своя манера письма, крепло умение точно и ярко обрисовывать героя, придать ему запоминающиеся живые черты» [1, с. 137].

Обновить романную структуру художнику удалось за счет широты эпического видения, умения соединить общенациональные и общечеловеческие проблемы, что стало возможным, прежде всего, благодаря фольклорным жанрам, которые органически входят в канву художественного произведения.

В. Шукшин вводит в текст романа фрагменты песенного народного искусства – *частушки*. Частушки по своей жанровой природе обладают меткостью и точностью характеристик, в них соединяются воедино сатирический и лирический аспекты. Русские частушки отличаются актуальностью, они посвящены темам, имеющим значение именно для данного времени и для данной ситуации. Частушкам присущ диалогизм, поскольку они рассчитаны на непосредственное восприятие слушателей, на отклик со стороны реципиентов. Благодаря этим жанрово-стилевым особенностям частушек В. Шукшину удается передать настроения в народной среде в нелегкий исторический момент, а также раскрыть душевные переживания героев. Так, например, отношение народа к войне запечатлено в такой частушке:

*«С крыши капали капли, –
Нас побить, побить хотели,
С крыши – целая вода, –*

Не побить нас никогда!» [5, с. 155].

В концовке частушки содержится ее идея: *«Не побить нас никогда!»*, что свидетельствует о неистребимости русского народа, о силе духа.

Жена Кузьмы, Клавдя, выступает с частушкой, где большое значение имеет подтекст. Клавдя всегда интуитивно чувствовала, что сердце Кузьмы принадлежит не ей, а Марье, и ее внутренняя боль и вместе с тем огромная любовь к Кузьме воплощены в юмористической частушке:

*«Кабы знала-перезнала,
Где мне замужем бывать, –
Подсобила бы свекровушке
Капусту поливать, –*

спела Клавдя и обожгла мужа влюбленным взглядом» [5, с. 156].

Мощным источником лиризма в романе «Любавины» являются народные *лирические песни*. В. Шукшин использует характерный для него прием «отраженной цитации», который состоит в том, что произведение устного народного творчества не только непосредственно воспроизведено автором, но и показано его эмоциональное воздействие. Причем это воздействие распространяется как на автора, так и на его персонажей (исполнителей и слушателей). Это ярко проявляется в сцене на покосе. *«Бричка подскакивает на ухабах. А с нее вверх, в синее небо, летит песня. Что-то светлое, хрупкое – выше, выше, выше... Аж страшно становится.<...> Дослушал песню Кузьма, и защемило у него сердце: захотелось ему, чтобы дядя Вася был живой. Чтобы он послушал дивную песню. И... взглянуть бы ему в глаза... Хоть раз, один-единственный раз. Понял бы дядя Вася, что в общем-то трудно Кузьме живется, слишком необъятный у него путь на земле и слишком нравятся ему люди»* [5, с. 148-149].

Впечатления от исполнения народной песни, фиксируемые автором в цветовой палитре (*синий, белый*), пространственных образах (*высота, необъятная ширь*), чувствах героев (*ощущение полета, воли, открытости, любви к людям*), свидетельствует о наличии в прозе В.Шукшина импрессионистических элементов.

Помимо песен и частушек, в романе «Любавины» упоминаются и прозаические жанры русского народного творчества – *предания, сказы, легенды*. Старые люди рассказывали диковинные истории про колдунов, домовых, сусудок и другую нечистую силу. *«Кузьма узнал за эти дни много всякой всячины. Что в нечистого можно стрелять только медной пуговицей – другое не берет. Что клад, который никому не завещали, будет мучить седьмое колено того, кто этот клад зарывал. Одного мужика замучил. Пойдет в поле – прямо из земли вырастает рука и машет ему: иди, мол. Или: захочет переплыть реку, глядь, а с его лодкой стоит другая – из золота: все тот же клад в руки просится. А возьмешь его – примешь грех на душу. Вот и гадай тут: возьмешь – грехи замучают, не возьмешь – клад замучает, потому что ему в земле нельзя, ему к людям надо»* [5, с. 157].

Дедушка Никон в романе «Любавины» рассказывает легенду о том, как его когда-то увозили черти. В. Пропп, А. Афанасьев и другие исследователи фольклора отмечают, что фантастика легенды идет не от собственно языческой религии, а от христианской религии. Принятие христианства Русью повлекло за собой проникновение в языческие формы сознания фантастики библейских книг и реальности некоторых церковных понятий. Главное свойство этого жанра – утверждение морально-этических норм христианства или идей, возникших под влиянием воодушевленного отношения к вере, хотя и понимаемой на житейски-обыденный, мирской манер.

В рассказе Никона есть все структурные элементы легенды. В зачине указано приблизительное время события, привязанное не только к историческим реалиям, но и к христианскому празднику: *«Ну, значит... было это, дай бог памяти, годе во втором, не то в третьем – до японской ишо. Загулял я как-то – рождество было»* [5, с. 158]. В основной части рассказа повествуется о встрече с чертями в облике «кумовьев», которые завезли Никона за семь верст от его деревни. Кульминацией является вопрос «кумовьев»: *«Кто такой?»*. Никон отвечает, что он христианин, непрерывно крестясь при этом. После этого «кумовья» исчезают, убоявшись силы креста, а Никон наконец понял, что это были за «кумовья». Завершается легенда концовкой: *«Такая была история»* [5, с. 159]. Сакральные числа «три» (*«День гуляю, два гуляю... На третий, однако, пришел домой»*) [5, с. 158] и «семь» (*«верстах в семи от деревни»*) [5, с. 159] соотносятся с фантастическим содержанием легенды. Этот рассказ дедушки Никона деревенские жители любили слушать по много раз. И это свидетельствует о тех крепких моральных устоях, о вере, которыми силен, по мнению В. Шукшина, русский народ.

Сергей Федорыч Попов рассказывает легенду о Николае-угоднике, который явился его «свояку» в образе простого «старичка». В. Шукшин воспроизводит в романе стилизованный текст легенды, обращенной к слушателю – Емельяну Спиридонычу Любавину. Любавин и Попов едут вместе за Егором и Марьей и ведут разговор о душе и о смерти. Емельяна, который никогда не верил в Бога, интересует, что такое душа, как ее понять и какое она имеет значение. В ответ на вопросы Любавина Сергей Федорыч и повествует о Николае-угоднике, воплощении души, явившейся в мир в облики человека. Функция данной легенды в структуре романа «Любавины» состоит в раскрытии нравственного конфликта между Любавиными и простым народом. Легенда, в которую искренне верит Сергей Федорыч, вызывает зависть и злобу у Емельяна. *«Емельян Спиридоныч ничего не сказал. Чувствовал себя каким-то обездоленным и злился»* [5, с. 137]. После рассказа Попова конфликт между собеседниками углубляется. *«А чего эт ты давеча про рай сказал? – спросил он. – Каких туда не пускают?» “Богатых”. “Почему?” “Потому что они... ксплотаторы. И должны за это гореть на вечном огне”. Емельян Спиридоныч пошевелился, сощурил презрительно глаза. “А ты в рай пойдешь?” “Я – в рай. Мне больше некуда”. Емельян Спиридоныч потянул возжжи. “Трр. Слазь”.*

“Чего ты?” “Слазь! Пройдись пешком. В раю будешь – наездишься вволю. Нечего с грешниками вместе сидеть”» [5, с. 137].

Несмотря на то, что Емельян Спиридоныч высадил Попова из брички, Сергей Федорыч чувствует свою моральную силу и превосходство. Этим эпизодом автор демонстрирует свою веру в прочную нравственную основу народа и в торжество справедливости.

В сцене похорон Марьи Поповой В. Шукшин использует элементы жанра *причитания* (плача), функция которого – усилить эмоциональное напряжение, передать горе отца, потерявшего дочь. Причитания вложены автором в уста не женщины (как это обычно бывает на похоронах), а мужчины, что еще больше поражает читателя. «Сергей Федорыч брал в руки голову покойницы, шевелил, качал из стороны в сторону, поднимал веки... Мертвые глаза Марьи смотрели внимательно и жутко. Присутствующие не выдерживали, Сергея Федорыча брали под руки и выводили из избы. Он вырывался, снова вбегал в избу, падал лицом на грудь мертвой дочери и начинал: “Ой, да не проснешься ты теперь, не пробудись! Да кровинушка ты моя горькая, да изорвали-то они все твое тело белое, да надругались-то они над тобой, напoganились!..”» [5, с. 278]. Средствами создания образности в причитании являются эпитеты, синтаксические параллелизмы, повторы, междометия. Все это присутствует в данном эпизоде. Примечательным является то, что Сергей Федорыч использует местоимение «они», хотя Марью убил ее муж – Егор Любавин. «Они» в сознании Сергея Федорыча – это все то злое и мстительное, что идет от семьи Любавиных. Еще в сцене сватовства Попов говорит о том, что недобрые «они» люди, жадные и злые. Теперь на местоимение «они» в его причитании перекладывается вся вина в смерти дочери.

Сергей Федорыч жаждет наказания виновных, и это желание отца воплощено в форме *молитвы*: «Господи, батюшка, отец небесный! Услышь меня, раба грешного: пошли ты на их, на злодеев, кару. Никогда я тебя не просил, господи!.. Шибко уж мне сейчас горько!.. Господи!» [5, с. 279]. Любавиных в романе наказало само время. Их род постепенно прерывается, последние представители семьи прячутся в тайге, и читателю ясно, что будущего у них нет.

В романе «Любавины» широко используются *пословицы и поговорки* – образные народные изречения, обладающие способностью к многозначному употреблению в речи по принципу аналогии. Эти формы устного народного творчества раскрывают особенности быта крестьян, их психологическое состояние, отношение к событиям, к новому времени. Например, в эпизоде, когда Емельян Спиридоныч, вынужденный обстоятельствами, приехал сватать Феклу за Кондрата и при этом смотрел на нее свысока, презрительно отзывался о ней, Фекла, женщина гордая, осадила его: «Ты не петушишься тут... Приехал ... царь-горох» [5, с. 227]. В поговорке «Приехал царь-горох» высказывается ироническое отношение к Емельяну Любавину, который уже потерял власть и над своими сыновьями, и над деревенскими жителями.

И. Плеханова справедливо отмечает, что в русской прозе с конца 1960-х годов усиливается интерес к документальности, к действительным фактам, вместе с тем «достоверность изображения сочетается с откровенной условностью, то есть явной преднамеренностью отдельных решений, сопоставлений, эпизодов, символичностью образов, включением фантастических персонажей, сновидений» [3, с. 71]. Роль условности, пишет исследовательница, не велика, однако она столь же необходима для выражения авторского замысла, как и самая бесспорная реальность.

В романе В. Шукшина «Любавины» наблюдаем соединение дорогих автору идей с объективным, живым материалом. Писатель неоднократно заявлял, что мысль для него – «самое дорогое в жизни» [4, с. 10]. Но истины в его сознании всегда жили не отвлеченно, а вместе с их носителями – конкретными психологическими типами: «Для меня самое главное – показать человеческий характер» [4, с. 10]. В.Шукшин считал, что сюжет непосредственно связан с моралью произведения: «Я так полагаю, что сюжет несет мораль – непременно: раз история замкнута, раз она для чего-то рассказана и завершена, значит, автор преследует какую-то цель...» [4, с. 10]. То, что писатель выводил за пределы сюжета и считал главным содержанием произведения, «когда начинает говорить душа, мудрость, ум и чувство» [4, с. 10], находит выражение, прежде всего, в формах условности

Таким образом, произведения устного народного творчества, их фрагменты или отдельные компоненты включены автором в композицию романа. Они по-разному высвечивают реальные образы и ситуации, дополняют их оценки и характеристики, создают философско-психологический подтекст. Произведения устного народного творчества способствуют лиризации всей атмосферы романа, в котором для автора главным является не само событие, а то, как оно влияет на чувства, переживания людей, на изменение их внутреннего мира. Соединение эпического и лирического планов – характерная особенность романа «Любавины», обусловленная, прежде всего, фольклорным материалом.

Полистилизм (сочетание элементов разных стилей), активное взаимодействие слова автора и слова персонажа, изображение события в непосредственном изложении участника (свидетеля) и вследствие этого сокращение дистанции между читателем и героем или событием – черты индивидуального стиля В. Шукшина.

Литература

1. Горн В. Ф. Наш сын и брат: Проблематика и герои прозы В. Шукшина / В. Ф. Горн. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1985. – 208 с.
2. Мельник Т.М. Фольклорні традиції у творчості В.М. Шукшина: Автореферат дис. ... канд. філол. наук / Т.М.Мельник. – Сімферополь: Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського, 2006. – 21 с.

3. Плеханова И. И. Особенности сюжетосложения в творчестве В. Шукшина, Ю. Трифонова, В. Распутина: К проблеме художественной условности / И. И. Плеханова // Русская литература. – 1980. – № 4. – С. 71-88.

4. Шукшин В. М. Последние разговоры / В. М. Шукшин // Литературная газета. – 1974. – 13 ноября. – С. 10.

5. Шукшин В. М. Собрание сочинений: В 5 томах / В. М. Шукшин. – Бишкек: Вента, 1992. – Т. 1. – 544с.

Аннотация

Мельник Т.Н. Влияние фольклора на жанрово-стилевую организацию романа В. Шукшина «Любавины».

В. М. Шукшин творчески осваивает различные жанры устного народного творчества: песни, пословицы, поговорки, легенды и др. Фольклорные жанры (целиком или частично), а также их стилизации широко представлены в романе «Любавины». Они создают особую лирическую атмосферу, способствуют углублению психологических характеристик, содержат народные оценки. Интерес к фольклорным формам повлиял на жанровое мышление писателя, который выступил как новатор в жанре романа.

Ключевые слова: традиция, фольклор, сюжет, образ, жанр, стиль.

Анотація

Мельник Т.М. Вплив фольклору на жанрово-стильову організацію роману В. Шукшина «Любавини».

В.М.Шукшин творчо засвоює різноманітні жанри усної народної творчості: пісні, прислів'я, приказки, легенди тощо. Фольклорні жанри (повністю або частково), а також їхні стилізації широко представлені в романі «Любавини». Вони створюють особливу ліричну атмосферу, сприяють поглибленню психологічних характеристик, містять народні оцінки. Зацікавленість фольклорними формами вплинула на жанрове мислення письменника, який виступив як новатор у жанрі роману.

Ключові слова: традиція, фольклор, сюжет, образ, жанр, стиль.

Summary

Melnik T.N. The influence of folklore on a genre – style organization of the novel “Liubaviny” written by V. Shukshyn.

V.M.Shukshyn explores different genres of folk arts: songs, proverbs, tongue twisters, legends and others. Folk genres (completely and partially) and their stylization are widely shown in the novel “Liubaviny”. They create a special lyrical atmosphere, promote the deepening of psychological descriptions and contain folk estimation. The shown interest for folk forms has influenced on the writer’s genre thinking, who acted as an innovator in the genre of the novel.

Key words: tradition, folklore, plot, image, genre, style.